

Дядя Кукишъ стремительно поднялся съ мѣста, подступилъ къ образамъ и молча, не дотрогиваясь руками, нѣсколько мгновений созерцалъ синюю бумагу.

— Тэ-экъ!...—протянулъ онъ затѣмъ, качая головой. — И крѣпко сдѣлано?

— Надо быть, крѣпко. Самъ нотарусъ сказывалъ: таперича, говорить, не то что кто да нибудь, а хоша бы самъ князь—и то въ другую сторону повернуть не можетъ...

— Самъ князь!

— Да. Твоя, говорить, земля, Алексій Ивановичъ, не сумѣвайся, потому—сдѣлано во-какъ: за царской печатью. Владай на здоровье; а встрянуть къ тебѣ никто не смѣетъ, а ни Боже мой!

— Такъ и сказалъ?

— Вѣрно тебѣ говорю.

— Ну!—энергически тряхнулъ головой дядя Кукишъ. — Значить, теперь въ аккуратѣ, вполнѣ! Какъ кому Богъ... Вотъ это такъ дѣлцо ты оборудовалъ, Алексій Ивановичъ! Эго вотъ дѣлцо! Умственный человѣкъ, одно слово.

— Умственный, не умственный, иначе между прочимъ Господь благословилъ.

— Не умственный?—съ одушевленіемъ воскликнулъ дядя Кукишъ. — А какого-жъ тебѣ еще надоть?

— Ну, чево тамъ!

— Чево-о? А пусть говорю объявится, похвастаегъ, какія-такія за имъ дѣла есть. Твое вотъ дѣло всѣмъ видимое: оборудовалъ такъ, что надо лучше, да нельзя. Прямо сказать, въ помѣщики вылетѣлъ!

— Ври больше.

— Чево мнѣ врать? Небось, всѣ чувствуютъ. Кто молъ, у нашей волости самый умственный человѣкъ? Промежду хрестьянъ, то ись? Извѣстно—Алексій Ивановичъ, всякому видимо.

— Съ чево-жъ то я вдругъ поумнѣлъ больно?

— Не вдругъ, а и завсегда ты былъ первѣйшій человѣкъ! Только что мы-то, ровно какъ свиньи какія, не чувствовали. Кто на сходкѣ стоялъ, чтобъ не давать дозволенія на счетъ кабака? Кто отсовѣтовалъ съ Писарькомъ коноплей заниматься? Вѣдь ты же. Тогда, извѣстно, не послухались, загордѣли; а между прочимъ, вышло-то по твоему...

Въ этомъ направленіи, не лишенномъ пріятности для Алексія Иванова, бесѣда тянулася подолѣе получаса; такъ что подъ конецъ Щастневъ—въ виду всяческой лести и всепокорнѣйшей униженности своего девера—почувствовалъ себя на высотѣ положенія.